

(Начало – стр. 1)

ФОРУМ

Но оставь умную свою мысль, выключи телевизор, забудься и читай дальше, не оглядываясь на улицу, и вдруг на какой-то странице заметишь, что книжка-то и перевесит день и спасёт смятенное сердце. И улетишь за Митей, за Левиным и Кити, за Анной и Вронским, и что тебе эти вирусы и тысячи зараженных? Ты там в единственно подлинном мире слова и любви, неба и звезд, росы и рассветов, домашних ссор и нечаянных влюбленностей. Там, там – в Жизни, которой не будет конца, как бы ею ни играли господа политики. Все они со всеми хитростями бессильны перед словом, которое неподвластно человеку, потому что было у Бога и само – Бог.

Чем хорошо заточение? Отворяется слух. Зрение не развлечено и ты лучше слышишь привычное. И литература словно ждала часа: ну-ка вот теперь взгляди промытым-то зрением. О! Так вот оно что! Завёлся «Евгением Онегиным», которого читает в ютубе Непомнящий. Слышал ведь и прежде. И не в интернете слышал. Валентин Семеныч читал «Онегина» у нас в Пскове на малой сцене Псковского театра во время Пушкинских театральных фестивалей. Но то ли оттого, чтовсе разговоры в эти дни были вокруг Пушкина и слух был весь в нём и оттого слегка «механизировался», при-туплялся к настоящей глубине, то ли час тогда не пришел, но вот сейчас я слушал главу за главой потрясенным сердцем и со смятением думал: да было ли в нашей литературе что-нибудь равное и такое всеобщее для каждого сердца и вне всякого определенного времени, упреждающее это время, чтобы у нас открылись глаза для предвечного. Ведь это было и это будет всегда. И будет всегда именно так, хоть изреформируйся и испеременяйся. Отчего у Непомнящего после слов о любви Татьяны так естественно, сами собой являются слова апостола Павла из Первого послания к коринфянам: «Любовь никогда не перестает, хотя и пророчества прекратятся, и языки умолкнут, и знание упразднится...».

А уж вон у Толстого своё время. Прочитай главы о Левине и его хозяйственных заботах и из словаря не вылезешь: когда начать возку навоза, как продержать поле под черным паром, убирать ли покосы исполу или работниками, как перерезать шесть полей навозных и три запасных с травосеянием и обсадить поля лозинами по полуденным линиям. Как понять-то даже нынешнему фермеру. Даже и пейзаж нынешнему слуху уже чужд, когда на перевале лета «рожь выколосилась и, серо-зеленая, не налитым, еще легким колосом волнуется по ветру, когда ранняя гречиха уже попухитись, скрывая землю, когда убитые в камень скотиной пары не берет соха, когда на низах, ожидая косы, стоят сплошным морем бережные луга...». Бунинский Митя бы поморщился оттого отсутствию поэзии. А ведь тогда каждый читатель, еще не вовсе расставшийся с землей, слышал тут каждое слово и радовался с Левиным живому труду, такому отличному от иллюзорной жизни старого Каренина или Стивы.

Кажется, еще немного и мы разучимся читать свои книги. Не зря я помню,

как жадно цитировал «Анну Каренину» в Ясной Поляне один из екатеринбургских постмодернистов, порвавших с современной ему реалистической прозой для свободы и независимости. А вот прочитал Толстого и теперь не мог остановиться – его привычному, балованному своей «свободой» слуху, тут в «новизне словаря» все казалось постмодернизмом. Он хотел научить нас новости взгляда, а проговаривался только тоскою по чуду вечного слова, которое ему мерещилось новым, потому что в нём самом давно оборвался живой корень.

Вирусное чтение

«Мне отмщение...»

Может, и для этого нам послано испытание, чтобы мы вспомнили себя и не стыдились своего живого великорусского слова, а словно впервые видели его земную глубину. И я сам ловлю себя на желании переписать целые страницы и восклицать: «А-а! Видали!» И улыбаясь, видя, как тонко Господь ведёт нас, ни минуты не принуждая, а щадя наше самолюбие, одевает наши «прозрения» в новые простые одежды, чтобы мы думали, что мы это сами.

И всё не отпускает меня Толстой. С утра уже не терпится скорее за чтение. И куда ни повернет, всё у него выходит про любовь, будто и он Павлова послания к коринфянам из ума не выпускает. Как светает мир, когда у Левина всё налаживается с Кити. Сразу ни одного дурного человека вокруг – все счастливы и прекрасны! И даже у старика Каренина, когда он на минуту примирился с Анной после её родов и возможной смерти, – тоже всё осветилось и сам он узнал чувство, которого не знал за собой, – любви к другим.

И всё это писано как письмо к Соне, чтобы вернуть любовь, которая уходит.

И все думаешь, как могла она мучить его и себя после того, как прочитала это. И как могло случиться, что он, который жил любовью и которому она нужна была «по его росту» (чтобы вся и во всём, чтобы потом было оправдано каждое слово), умерал в Астапово один – не соборванный, хотя священник был рядом (и он сам не отказывал в соборовании даже «неверующему» Николаю Левину), не видя жены, которая тоже была рядом и, встав на кирпичи под окном, все пыталась увидеть его там, в доме, куда её не пускали.

Это мир уже навсегда прощался с собой уходящим и с его прозой, которая тоже была похожа на завещание – как любить, как уклоняться от цивилизации для своего пути, для земли, как оставаться целым. А мы уж, если и переживем еще похожие чувства, то уже назвать их не сможем и умалим и растратим, потому что живем уже не полнотою жизни, а «с пятого на десятое», пунктиром, одним днём. Наружу стали жить для «цифры» и для «селфи» – всё будто немного перед объективом. А он вот и крестьянскую землю оглядывал с Левиным и проблемы инородцев с Карениным там страстно, словно перед Думой выступал и хотел, чтобы и Государь услышал и депутаты, но писал не им, а читателю, как народу, чтобы каждый с ним пережил и был одно. Отчего народ тогда так и чувствовал его и заводил «толстовство», но уже заводил его «по уму», а не от требования целостной жизни. И даже, скажем, Мережковский с Зинаидой Гиппиус (уж кто дальше от земли?) ездили к нему в Ясную, как до них Чехов, Горький, Бу-

нин, да и просто умный читатель, чтобы вспомнить в себе уходящее единство, а не только похвалиться, что были у «великого старика». Не для совместной фотографии только, а от стыда перед собой – к своему лучшему, для восстановления сердца.

Но внешнее уже безнадежно побеждало внутреннее. И нынешний писатель уже не ищет в читателе народа, а предпочитает именно умного читателя и подолжается к нему тонкостью и иронией, неперменной сорокинской оплошностью. Как у Толстого хорошо говорил Голенищев Вронскому – как раньше рождались вольнодумцы, как вырастали они из классического чтения, из языков, философии, мысли, религии и нравственности, так что вольнодумство давалось им трудом, а теперь вольно-

думцы стали «самородны» – заглунил в журнал, «попал на отрицательную литературу» (как нынче – поглядел канал «Дождь», послушал «Эхо Москвы») и готов, и уже снисходительно говорит «Я в своей статье...». И какое чудо иронии в Толстом – по портретам ни за что не увидишь: эта лестница в бальной зале, «убранная цветами и лакеями в париках», и эта грустная улыбка: «Разговор был приятный – осуждали Карениных», и эти новые течения в девушках, которые стали уверены, что сами должны выбирать себе мужей и при этом многие «даже не приседали». И я, оказываюсь, забыл, что он не только знал все тонкости мужских и женских характеров, почти пугая этим знанием (сохрани Бог попасться на глаза), но вот и собакой мог стать, левинской Лаской, которая вон даже может досадовать на хозяйна, что он отвлекает её («Но я не могу идти, – думала Ласка. – Куда я пойду? Отсюда я чувствую их, а если я двинусь вперед, я ничего не пойму»), и «для виду» выполнив то, о чем просил хозяйин, скорее

возвращается к тому, что знает для него же – хозяйна. Поневоле вспомнишь, что он ведь и лошады был в Холстомере, да и тут перед скачками автор больше на стороне лошади, чем Вронского. И не зная, как реагировать, только рукой махнешь, когда прочитаешь, как Левин встает из-за стола в клубе, «чувствуя, что у него при ходьбе особенно правильно и легко мотаются руки». Или вот: «Степан Аркадьевич был не только человек честный (без ударения), но он был честный человек (с ударением), с тем особенным значением, которое имеет в Москве это слово, когда говорят честный писатель, честный журнал, честное учреждение и которое означает не только то, что человек или учреждение не бесчестны, но и способны при случае подпустить шпильку правитель-

ству». И Степан Аркадьевич ищет выгодного места, а оно «зависело от двух министров, одной дамы и от двух евреев (хм, хм – как незбылем мир!)». И тут сразу и поневоле думаешь: зачем Анна с её эгоизмом и утомительным даже для Вронского требованием любви и «понимания своего положения», когда главное-то в романе вовсе не они, а Кити с Левиным и вопросы веры, мучившие Толстого. Это Степан Аркадьевич в Москве «опускался» до того, что поживи он там подольше, дошел бы чего доброго «до спасения души». И это Анна, увидев в поезде крестившегося перед дорогой человека, со злобой думает: «Интересно бы спросить у него, что он подразумевает под этим...». А Левин, хоть и числил себя в «неверующих», но все время «был в мучительном разладе с самим собой и напрягал все душевные силы, чтобы выйти из него».

А вышел не благодаря перечитанным Платону, Спинозе, Канту, Шеллингу, Гёте и Шопенгауэру, подталкивающим разве к тому, чтобы ему застрелиться или повеситься, а простому мужику

из дальней деревни, сказавшему, что «Митюха для брехуха живет, а Фоканых – правдивый старик, для души живет, Бога помнит». И словно небо открылось Левину в этой простоте. И все главы романа последней части с восьмой до самого слова «конец» стали символом веры Левина и Льва Николаевича, отчего близкие-то люди читали фамилию героя не Левин, а Лёвин. И всё обреченное Левиным в этих главах знание так просто, ясно, умно и праведно, что потом уже и все разговоры о «гордыне» Льва Николаевича и суде его над церковью неправедны и нарочито глухи. Надо было Победоносцеву и Синоду только прочитать эти последние главы восьмой части, чтобы сделать их частью катехизиса для вразумления умных нынешних агностиков, потому что не было

еще в русской литературе слов такой простоты и света.

А-а, вот оно что. Угодно вам светской эгоистической любви, от которой всем одни страдания: и самим любящим, и всем вокруг, – получите. И это ей, ей, Анне, он посвящает жесткий эпиграф «Мне отмщение и Аз водам». Таня-то Ларина ведь тоже на краю была, когда говорила Онегину: «Я вас люблю, к чему лукавить...», и уступил она в этот час своему сердцу, и была бы первая Анна, и общие пересуды и неизбежное страдание. Но она вот как старик Фоканых «для души живет. Бога помнит» и оттого чистое сердце два столетия светит нам и спасает нас, как спасают Левин и Кити, видящие не зеркало, а мир вокруг.

Карантин – это наше отмщение за претребительский эгоизм и жизнь для одних себя, а теперь откроем глаза и увидим, что, как писали сводки самоизоляции, «на улице есть люди», и увидим этих людей с благодарностью и любовью, как преодоленных себя.

Валентин КУРБАТОВ

«Лучший вариант для человечества – перестать размножаться и исчезнуть с лица земли». Слышите в утверждении нашего современника – философа, возглавляющего философский факультет Университета Кейптауна в ЮАР, крик души софокловского Эдипа: «О, если бы я никогда не родился!»?

Современные движения за оптимальную численность населения, за добровольное исчезновение человечества, добровольная бездетность и чайлдфри находят основание языческим взглядам в этических максимам. Даже категорический императив Канта («Поступай так, чтобы максима твоей воли могла бы быть всеобщим законом») (поступай с другими так, как хочешь, чтобы поступали с тобой) пришелся как нельзя кстати. Получается, когда мы заводим ребенка без его согласия, мы нарушаем завет Канта и обрекаем живое существо на страдания без его согласия.

Если насильственным путем сокращать население земного шара негуманно, стоит поискать другие приемлемые способы: культура ЛГБТ а также культура самострабрения при помощи психоактивных веществ прекрасно справляются с этой задачей, о чем я хочу рассказать, опираясь на конкретные примеры.

Недавно произошедшая авария с участием известного актера пролила свет на ситуацию в его семье. Это не было тайной, но и не становилось предметом пристального внимания любителей «горячих новостей». Его двадцатипятилетняя дочь N на своей странице в соцсети называет себя «гендерфлюидом, лесбиянкой-небиран и просто дочерью актера».

Ее тексты вызвали у меня интерес и сочувствие к судьбе девушки и стали тем кусочком мозаики, которого мне не хватало для понимания ситуации с так называемым «расцветом» ЛГБТ среди подростков в нашей стране и в мире.

Помимо текстов N основанием для таких выводов стала психологическая помощь, за которой ко мне обращались девушки и женщины, называвшие себя лесбиянками в отдельный период времени.

Неблагополучная семья, где родителям не удается быть для ребенка гарантом «стабильности и светлого будущего» – основная причина сбоя половой самоидентификации.

К признакам неблагоприятия семьи я бы отнесла:

– острые и частые конфликты между родителями (отсутствие любви и взаимоуважения между родительскими фигурами);

– ощущение бессмысленности жизни, так называемый «экзистенциальный вакуум» у одного или обоих родителей;

– зависимость у одного или обоих родителей. Уже тот факт, что в период девиантности большая часть населения страны была «пищена будущего» и перспектив, говорит о том, что «экзистенциальный вакуум» и непонимание «зачем вообще жить» были актуальными для значительной части

Мария МЕДВЕДЕВА (Ту)пик гуманизма

Как гуманизм сводит счёты с человеком

наших соотечественников. Те, кому не удалось обрести личные смыслы в творчестве, своем деле, созидании семьи, выращивании детей, педагогической деятельности, вере, оказались неспособными быть «живыми», «настоящими» родителями и произвели на свет неуверенных в своей половой идентичности людей.

Отказ от причастности своему биологическому полу – это не только протест против своих родителей, но и нежелание продолжать род. Это входит в планы «новых гуманистов – оптимизаторов».

Отказ заводить семью и детей у девушек из дисфункциональных семей может неосознанно аргументироваться из позиции:

– жалости: «Мне было плохо в детстве, и я такого никому не пожелаю. Поэтому детей не буду заводить».

– эгоизма: «В детстве я недополучила любовь и заботу от родителей. Теперь я буду любить себя и заботиться о себе, чтобы компенсировать эту нехватку. На детей я не планирую тратить свое время и силы. У меня есть Я».

– страха: «Если в детстве у меня все было ужасно, я не могу гарантировать своим детям ничего хорошего, ибо ничего хорошего может и не быть. Лучше я не буду рисковать».

У некоторых девушек отчетливо прослеживается момент самооправдания: со мной все в порядке, я не причисляю себя к какому-то полу и «не ограничиваю себя рамками пола» и это вполне нормально. Я не признаю факт того, что семейные неурядицы нарушили мой механизм половой идентификации. А раз я «вполне нормальный человек», значит и мои родители «невиновны». Получается, что девушки игнорируют этот сбой для того, чтобы оправдать родителей.

Папа не уважал маму; мама не уважала себя; родители не знали, для чего живут – из всего этого рождается человек, отрицающий свой биологический пол. Такой человек не планирует создавать семью и производить на свет «новых мучеников».

Ниже позволю себе процитировать тексты N, опубликованные на ее странице в одной из соцсетей. Лаконичные, рациональные, искренние и свидетельствующие о глубоких переживаниях молодой девушки из непростой семьи.

«Я говорю о себе в мужском роде, чтобы привлечь внимание.

Всё имело удобное объяснение.

Неудобным был я.

А ещё неудобна моя мать.

Вздыхаю и снова проговариваю про себя: не мое будущее, не мое настоящее, не стану такой, не обязательно общаться. Её лицо искажает уродливое подобие flirtующей улыбки, она естает в кривую позу. От неё несёт алкоголем на половину улицы.

Только в декабре 2019 года мне перестало быть больно. Я перестал сожалеть об утерянном навсегда доме, который, наверное, у меня был, и нашёл его с Мамочкой, а не Матерью». «Отец, тяжело вздохнув, начинает говорить с ней, как с маленьким ребенком.

В ответ он получает то, что я бы назвал насмешкой, если бы она была способна насмехаться в своем состоянии.

Мать медленно угасает. Не тело, конечно. Алкоголики удивительно долго живут.

Её разум угасает.

Моя память о ней гаснет тоже.

Кроме кошмаров. Кошмары поют ярко, как никогда».

«Ментальные заболевания очень сильно осложняют отношения с собственным телом.

При наличии ментальной расстройств ты не всегда узнаешь себя в зеркале, не всегда понимаешь, какой длины твои руки и ноги. Не всегда чувствуешь, болит ли у тебя что-то или нет. Такое естественное право – владение собой и осознание себя – у тебя отнимает твоя болезнь.

Мой опыт человека с деперсонализацией и дереализацией из-за ПТСР имеет определенную схожесть с опытом персон с расстройством пищевого поведения – постоянное ощущение отсутствия контроля над своим телом и над своим я. Где я нахожусь? Реально ли то, что происходит вокруг или это всё сон?».

Рискуно сделать свои выводы. Можно упрекнуть меня в непоследовательности, я не обижусь. Чтобы гуманно сократить население какой-то страны, нужно не так много.

В открытую воевать не стоит. Это только усиливает внутренний потенциал каждого человека, разжигает любовь к Родине и «родному пепелищу». Такие люди знают ответ на вопрос «зачем» и любое «как» им по плечу. Они создают крепкие семьи и уходят из жизни в окружении внуков и правнуков. Это неправильный сценарий.

А вот правильный:

1. создаем условия для комфортного существования,

2. устрояем Ценности,

3. делаем недостижимыми Цели,

4. порождая сомнение в возможностях добиться конструктивных начинаний,

5. одобряем распад, иронию и отрицание.

На сцену с такими декорациями выпускаем поколение. Люди по инерции пытаются строить семьи и рожают детей, но не знают, в каком направлении их ориентировать. Семьи распадаются, а дети, выросшие в такой атмосфере, отрицают необходимость не только семьи, но и свою причастность к биологическому полу, что освобождает их от «обязанности» производить потомство. План выполнен: население сократилось.

К какому жанру отнести этот эпизод: греческая трагедия, или научная фантастика? Нет, это воплощение философии антианализа. Мы видим его последователь в соседе-алкоголике, «преуспевающем» бизнесмене, регулярно употребляющем запрещенные вещества, в толпах подростков с радужными волосами и потерянными взглядами. Вот так гуманизм сводит счёты с человеком, во имя его же блага.

Тут мне попеняли, что нарушаю права собственности. Ходатай за права оказался владельцем частной лавочки. Он имел в виду коллаж к недавней моей публикации, где собрана часть торговых вывесок на иностранном языке.

– Это я нарушаю? – переспросил я заступника обиженных лавочников; переспросил ягико, решив быть предельно вежливым, однако в силу своего врождённого норова, каюся, не удержался: – Это вы и подобные вам сплошь и рядом нарушаете права большинства. И мои, и тысяч моих земля-

Михаил ПОПОВ

Дорогу – великому и могучему

Откуда они берутся, доморощенные чужеземцы?

ков, которые с недоумением или отвращением смотрят на ваши вывески. Мы, рождённые в России, с молоком матери усвоившие русскую речь, научившиеся писать по-русски и продолжающие писать на родном языке, возмущены, что улицы старинного русского города Архангельска облеплены чужеродной латиницей. Прошёл бы по нынешнему городу великий помер Михайла Ломоносов, он, не сомневаясь, окоротил бы ваши манеры. Палкой своей пудовой, может, и не отдубасил доморощенную «немчуру», но все ваши вывески той же палкой пошибал бы. Говорю убеждённо, потому что многое о нём прочитал и даже написал роман о славном русском патриоте.

После этой тирады связь оборвалась – уши «немца», видать, не выдержали моего запала. Но запал-то мой не пропал, и я решил высказаться здесь.

Кто эти люди, которые, живя в России, по сути, отрываются от русского языка и русского образа? Явление это не новое. Это поросль давно выведенная на страницах отечественной словесности. Возьмите том Гоголя «Мёртвые души». Описывая вая губернского города, Николай Васильевич среди прочих «достопримечательностей» отметил магазин с картузами, фуражками и надписью: «Иностранец Василий Федоров». Ближе к концу того же у «иностранца Базиля» появился наследник по прямой – человек с непреодолимым отвращением ко всему русскому, я имею в виду персонажа Фёдора Михайловича Достоевского из «Братьев Карамазовых» Смердякова. Много их было до революции и в ходе её, таких отщепенцев. Это они навязывали мертворождённый язык эсперанто, уничтожали богослужебные книги, а также русские православные храмы. К началу войны эту «птяую колонну» попржиали. Но после они опять расплодились. И именно их руками – руками внутренних ненавистников России – без малого тридцать лет назад был совершён антирусский переворот. Пытаясь встать на их позицию и... не могу. Это же надо раздваиваться. Свой среди чужих и чужой среди своих. Любить всё иностранное и сдерживать свои порывы, чтобы не перейти ту черту, когда тебя определённо назовут предателем. Рано ещё, ещё не пришло время, когда можно будет развернуться во всю ивановскую, а пока эту Рашу можно презирать про себя или в кругу таких же «продвинутых» единомышленников. Или заявиться вот так – с помощью иноязычной вывески. Сомовар – на латинице. Ну, «прикольнo» же! Гастрономика –

ропы?! Надо же! Такое и Гоголю с его «Мёртвыми душами» не снилось...

На фото стройка на набережной и многоаршинный аншлаг на английском. Это, видать, в честь 100-летия завершения интервенции. Бывшим британским волкам радушие и Вэлкам, то бишь, добро пожаловать! А иначе на кого это рассчитано? В соответствие с бизнес-лекалами пытаюсь понять логику. На берега Двины, почти на историческую родину, приезжает отпрыск английского вожаки мистера Питкина. Томи-дед, тот ещё проходимец, завалился сюда с винтовкой Ли Энфилд, много пограбил и много пострелял. Правда, вскоре ретировался, получив партизанскую пулю в задницу. Отпрыск приехал с лопатником, как выражаются теперь в российских бизнес-кругах, научившись у компаньонов-поделников ботать по фене. И вот выходит сей бритиш мэн на набережную Северной Двины, видит рекламные зазывалки и начинает потирать руки. Гранд-фатер пытался захватить эти места свинцом, а мы возьмём их золотом. Вот они фунты стерВинго! А благодостный хозяин стелет ему красную дорожку. Можно обрести флэт с видом на Двину – вот здесь в комплексе РИВЕР-ПАРК. А можно в следующем – НЕКСТ – оно рядом. А можно подальше – в ИСКРА-ПАРКЕ. Собирается перевести, что такое «Искра», но осекается. А ну как мистер-покупатель настрожится. Ведь это в Лондоне проходил съезд РСДРП и там звучало название подпольной газеты с девизом «Из искры возгорится пламя». Чем подслатьст нежданную пулю! Пусть звучит как АИС-КРИМ, нечто вроде мороженого...

Чёрт возьми, говорю я по-русски, придя сначала в недоумение, а потом в раздражение от поголовной латиницы. Ну, не можете вы жить без забурного лексикона, так валите в чертоги туманного Альбиона или ещё куда подальше и лепите там свою латиницу. Но не застите его русское небо.

А ещё удивляет, почему на эту непотребную смесь «нижегородского с французским», смотрят сквозь пальцы соответствующие госслужбы. Это прямое посягательство на Закон о русском языке. Такое наплевательское отношение к родной кириллице, прежде всего, калечит детские души. Результат налицо – второе поколение русских детей в большинстве своём не умеет ни говорить по-русски, применяя для общения убогий суржик, ни читать по-русски, ни писать. В том числе и из-за вашей убогой рекламки!..

